

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-94-102
УДК 821.161.1

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В ПЕРЕВОДЕ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК: О СТРАТЕГИИ КАЗАРА СИМОНЯНА

© Ринат Бекметов, Казем Нежад Дахкаи Седиге

LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA" TRANSLATED INTO PERSIAN: ON KAZAR SIMONYAN'S STRATEGY

Rinat Bekmetov, Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh

Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" has been translated into Persian several times. Such attention to the Russian classical text was (and still is) far from accidental. Among the many reasons for such a close interest in it by the Persian reader public, one can single out the "women's question". In a Muslim country, to which Iran officially belongs, the position of women in society is linked to the rules of Sharia – a codified set of legal norms, governing the diversity of social relations. A woman, according to Islam, is endowed with a large number of positive rights (contrary to the extremely popular opinion about her complete lack of rights, the inability to decide her own fate, which is caused mainly by regional traditions, called "adats" in Arab-Muslim theology). At the same time, the most important duty of every Muslim woman who is married is her respect for the spouse, loyalty to him, if he really keeps the family hearth and it is not proved in a certain order to the contrary. Hence, it is absolutely clear that the novel, which discusses the burning, ever-relevant issues of marriage and family vicissitudes, cannot but arouse a steady interest among enlightened Iranian readers. Of all the Persian translations, we focus on the translation of Kazar Simonyan, an ethnic Armenian who lived in Iran and spent a significant part of the 1950s, when the translation of "Anna Karenina" was created, in prison for political reasons (participation in the nationalist anti-government movement). Translated by K. Simonyan, the book was first published in 1956 in Tehran in the publishing house "Gutenberg", and then in a series of "Cheap Books for Everyone". The article discusses some of the problems of this translation as a literary text: the ratio of accuracy and freedom of expression, semantic transformations, the adequacy of understanding and reflection of Leo Tolstoy's ideas – in short, everything that somehow refers to the concept of "the originality of the translator's interpretation". Since it was impossible to present all the collected analytical material within the boundaries of one article, we have limited ourselves to the pointwise analysis of several episodes from Leo Tolstoy's work.

Keywords: Leo Tolstoy, Russian classical literature, novel "Anna Karenina", Persian translation, Kazar Simonyan, text.

Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на персидский язык переводился неоднократно. Такое внимание к русскому классическому тексту носило (да и носит до сих пор) далеко не случайный характер. Среди множества причин столь пристального интереса к нему персидской читательской публики можно выделить «женский вопрос». В мусульманской стране, каковым официально является Иран, положение женщины в обществе регламентируется правилами шариата – свода правовых норм, регулирующих многообразие социальных отношений. Женщина, по исламу, наделена большим количеством позитивных прав (вопреки чрезвычайно распространенному мнению о ее полном бесправи, невозможности решать собственную судьбу, что вызвано по преимуществу региональными традициями, именуемыми в арабо-мусульманском богословии «адатами»). В то же время уважение супруга, верность ему, если он хранит семейный очаг и не доказано обратное, считается важнейшим долгом всякой женщины-мусульманки, вышедшей замуж. Отсюда совершенно ясно, что роман, в котором обсуждаются животрепещущие, вечно актуальные вопросы брачно-семейных перипетий, не мог не вызвать устойчивого интереса у просвещенных иранских читателей. Из всех персидских переводов авторы статьи остановились на переводе Казара Симоняна, этнического армянина, жившего в Иране и проведшего значительную часть 1950-х годов, когда создавался перевод «Анны Карениной», в тюрьме по политическим мотивам (участие в националистическом антиправительственном движении). Перевод К. Симоняна впервые был опубликован в 1956 году в Тегеране в издательстве «Гутенберг», а затем в серии «Дешевых книг для всех». В статье обсуждаются некоторые проблемы этого перевода как литературного текста: соот-

ношение точности и вольности, смысловые трансформации, адекватность понимания и отражения толстовских идей – словом, все, что так или иначе фигурирует в понятии «своеобразие переводческого почерка». Поскольку представить собранный аналитический материал в границах одной статьи было затруднительно, авторы ограничились разбором нескольких эпизодов из толстовского сочинения по точечному принципу.

Ключевые слова: Лев Толстой, русская классическая литература, роман «Анна Каренина», персидский перевод, Казар Симонян, текст.

Постсоветское толстоведение имеет в целом весьма неплохое представление об интересе Л. Н. Толстого к Ирану и персидской культуре (к ней примыкает, конечно, и таджикская со своим комплексом своеобразных черт). Считается, что из всех стран Ближнего Востока и Передней Азии именно Иран был объектом пристального толстовского внимания. Не в последнюю очередь это определялось тем, что в середине XIX века в иранской жизни происходили процессы, имевшие прямое отношение к духовно-религиозной стороне социальных связей, к поиску тех представлений, которые могли бы обеспечить подлинное единство людей путем искоренения вражды и утверждения гармонии добрососедского существования. Найдя свое воплощение в бабидском движении, эта идеология была созвучна Толстому, его внутреннему опыту, хотя не все из проповедуемого бабистами писатель принял.

А. И. Шифман, ссылаясь на письма Толстого, справедливо заключал, что писатель воспринимал нравственные принципы бабизма, патриархально-крестьянское основание его этики («уважение к труду, любовь к земле, миролюбие») и отвергал каноны, повторявшие некоторые пункты мусульманского вероучения в их, подчеркнем, крайне догматизированном виде [Шифман, с. 339]. В то же время Толстой был хорошо знаком со средневековой персидской классикой, читал (естественно, в переводах) Фирдоуси, Саади, Хафиза¹. Последним он восторгался, держа в ру-

ках тексты переводов с немецкого, выполненные А. А. Фетом и отправленные им по почте в Ясную Поляну. Многие из прочитанного Толстой аккуратно включал в «Азбуку», «Новую Азбуку», а также «Русские книги для чтения» [Валеев].

Вместе с тем вопрос о том, как персидская культура осваивала толстовское слово, остается открытым, недостаточно изученным. Мы, к примеру, плохо знаем о том, как иранские критики и публицисты оценивали и трактовали Толстого, что выделяли в его произведениях в качестве главного и второстепенного, каким образом вообще «инкорпорировали» писателя в национальный литературно-эстетический процесс на разных этапах его развития. Кроме того, не менее важным остается проблема переводческой рецепции Толстого в Иране. Таджикский контекст на фоне персидского (если уж сравнивать их, имея в виду тесную близость, культурное родство двух ираноязычных народов) выглядит более благоприятно – во многом потому, что в советский период истории практиковался государственный заказ на такого рода исследования в республиках СССР (Таджикистан был его южной частью), а в нынешнее время сохраняется инерция филологических штудий – преимущественно с таджикской стороны, и в значительной мере это обусловлено устойчивостью российско-таджикского сотрудничества в широком значении слова (торгово-экономическом, политико-дипломатическом, социально-гуманитарном, образовательно-просветительском и т. д.) (см.: [Ниятбекова], [Розенфельд, 1978], [Рустамова, 2014], [Рустамова, 2017], [Шехов]). Так, актуальна библиографическая проблематика в области переводов Толстого на персидский язык. До сих пор не составлен полный указатель персидских переводов сочинений Толстого, и, как и в 1960-е годы, нам приходится полагаться на списки, собранные советскими иранистами, а они, эти перечни, по понятным причинам неточны². Об этом

¹ Один факт требует особого упоминания. По воспоминаниям А. А. Фета, старший брат Толстого Николай Николаевич («Николенька») в узком кругу родных и друзей имел шутовское прозвище «Фирдуси»; оно было дано ему за большие познания и проницательность. «<...> нам приходилось ехать по Тульско-Орловско-Харьковскому шоссе, – писал Фет, – и доведенные до изнеможения почтовые были не в состоянии взять четверкой громоздкую <...> карету без затруднения. Конечно, мы не отказали себе в удовольствии заехать на два дня в Ясную Поляну, где к довершению радости застали дорогого Н. Н. Толстого, заслужившего самобытною восточною мудростью прозвание – *Фирдуси*. Сколько самых отрадных планов нашего пребывания в яснополянском флигеле со всеми подробностями возникли между нами в эти два дня» [Фет, с. 369] (курсив автора. – Р. Б., К. Н. Д. С.).

Можно предположить, что это прозвище Николаю Толстому было дано Фетом, любителем восточной старины.

² «По понятным» – потому что выезд в иранские библиотеки для советских исследователей не всегда был

писала А. З. Розенфельд, когда отмечала, что раздел наиболее обобщенной книги А. И. Шифмана «Лев Толстой и Восток» (первое издание – 1960 год), посвященный иранскому восприятию Толстого, имеет в части персидской переводческой библиографии «большие пробелы» [Розенфельд, 1962, с. 165]. На 1962 год она насчитала не менее семидесяти (!) переводов толстовских произведений (и, несомненно, что их число к сегодняшнему дню с учетом переизданий многократно возросло). При этом если до Второй мировой войны переводы осуществлялись через три основных языка-посредника (турецкий, арабский и французский), то после – чаще с русского, чему в немалой степени способствовало образование «Иранского общества культурных связей с СССР», в котором был создан свой орган печати – журнал «Новая весть» («پیام جدید» («Peiame nou»)), в нем публиковались переводы русской классики, в том числе толстовских писаний, с последующим их обсуждением в виде авторских рецензий, заметок, обзоров и статей.

Из всех переводов Толстого на фарси нас не может не привлечь перевод «Анны Карениной» – эпического шедевра русской литературы. Точное количество переводов этого романа нам пока, к сожалению, неизвестно. Мы можем лишь предполагать их число, опираясь как на опыт собственной предварительной систематизации, так и на материалы русских указателей предшествующей поры. Исходя из собранного, мы вправе заключить, что первый перевод «Анны Карениной» – не всего романа, а его отдельных глав – был сделан в 1926 году и напечатан тогда же в журнале «Буря» («طوفان» («Tufan»)); кто был переводчиком – не знаем. В январе 1943 года от-

возможен, информацию приходилось черпать либо через ограниченное количество источников, поступавших из Ирана в Советский Союз, либо через иранских посредников, приезжавших в страну на учебу, стажировку, конференцию, и то – по предварительной договоренности. Красноречиво заключение, содержащееся в статье А. З. Розенфельд о переводах Толстого: «<...> следует отметить, что несмотря на все стремления собрать библиографию работ Толстого на персидском языке, мы, как и наши предшественники, не смогли исчерпать материала <...>. Надеемся, что и в заведомо несовершенном виде эта работа в какой-то степени дополнит сведения о мировом распространении произведений Л. Н. Толстого» [Розенфельд, 1962, с. 169]. Прав был также и А. И. Шифман, когда указывал на то, что «сведения о ранних изданиях Толстого в Иране очень скудны». Объяснял он это не только «недостатком библиографических материалов», но и тем, «что многие книги иностранных авторов выходили там под другими названиями, притом часто без указания года и места издания» [Шифман, с. 348].

рывки из «Анны Карениной» в переводе Мустафы Али Абади публиковались в газете «Спасение Ирана» («نجات ایران» («Nadzhaf Iran»)). Начиная с 1950-х годов «Анна Каренина» выходит в полных переводах, так что уместно применительно к этому произведению использовать понятие «переводческой множественности»: количество персидских переводов не уступает числу переводов на главные европейские языки, взятые по отдельности (в Европе издавна бытует традиция многочисленных переводов образцов мировой литературы, поскольку язык воспринимающей стороны имеет обыкновение устаревать и в идеальной проекции для каждого нового поколения читателей должен быть свой особенный перевод выдающегося творения словесного искусства). Перечислим полные переводы «Анны Карениной», которые мы сумели найти: 1) 1954 год – пер. Мохаммада Али Ширази (Тегеран: изд-во «Афшари», второе, сокращенное издание вышло в том же году в Тегеране же: изд-во «Кетабфоруши-е Гутемберг»), 2) 1956 год – пер. Казара Симоняна (в 2-х томах, Тегеран: изд-во «Гутемберг», то же в 4 частях в специальной серии «Дешевые книги для всех») [Кандель], 3) 1963 год – пер. Мошфега Хамедани (Тегеран: изд-во «Амир Кабир»), 4) 1999 год – пер. Соруша Хабиби (Тегеран: изд-во «Нилуфар»), 5) 1999 год – пер. Манучехра Бигдели Хамсе (Тегеран: изд-во «Негарстан Кетаб»), 6) 2003 год – пер. Мохаммада Маджлеси (Тегеран: изд-во «Дониаие но»), 7) 2017 год – пер. Хание Чупани (Тегеран: изд-во «Фараруй»), 8) 2019 год – пер. Али Халаджи Могаддама (Тегеран: изд-во «Ник Форджам»), 9) 2019 год – пер. Тайебе Ахмади Джавид (Тегеран: изд-во «Навид Зохур»), 10) 2019 год – пер. Мохаммада Карими (Тегеран: изд-во «Парсе»), 11) 2020 год – пер. Хамида Резы Аташбараба (Тегеран: изд-во «Элми Фарханги»), 12) 2020 год – пер. Саида Мабашера (Тегеран: изд-во «Атиса»). Если к приведенному списку добавить переиздания старых переводов «Анны Карениной», осуществлявшиеся на протяжении многих лет с момента их первого выхода в печать, то, пожалуй, не будет преувеличением считать, что толстовский роман – наиболее популярная часть художественного творчества русского писателя в Иране³.

³ Нельзя, кстати, не заметить того, что удельный вес персидских переводов романа приходится на последние двадцать лет, и это, по-видимому, объясняется резким увеличением в Иране тех, для кого русская культура становится ближе вследствие уплотнения контактов, их интенсификации (одного из авторов настоящей статьи впечатляет хорошее владение иранцами русским языком, причем это относится не толь-

Почему роман «Анна Каренина» стал объектом столь активной переводческой рецепции?

На первый взгляд, такое положение вещей удивительно. В самом деле, Иран – консервативная страна, в ней сильны нормы мусульманского права, несмотря на процессы модернизации, усиленные в глобализационный век. Толстовский роман в сухом остатке изображает женскую измену и ее следствие – разрушение семьи как общественного института. Можно ли через переводы так настойчиво «педалировать» распад патриархальных взаимоотношений, их разлом, развал, уничтожение? В действительности можно: роман Толстого в глазах персидской читательской публики как раз и был свидетельством того, к чему может привести «эмансипация женщины», ее право самолично определять судьбу, полагаясь исключительно на природный инстинкт и не считаясь с обстоятельствами текущей жизни. Другими словами, персидский читатель видел в толстовском произведении мощное интеллектуальное «противоядие», обращенное к отмене тех западных ценностей (как минимум – их коррекции), которые выдвигали на первый план идею полового равноправия; текст содержал развернутую «аллегорическую» аргументацию правоты исламских богословов, для которых женщина и мужчина, дополняя друг друга в брачно-семейных связях, остаются на разных уровнях духовного движения, что не может быть оцениваемо в категориях «плохо» или «хорошо». Роман тем самым обрел в Иране привкус дидактизма, явной и недвусмысленной поучительности, что, наряду с первоклассно-увлекательной формой, скрупулезностью психологических описаний и многообразием сюжетных ходов⁴, стало

ко к тем, кто находится в России на учебе – среда с носителями языка помогает освоить его быстро, но и к тем, кто живет и учится в самом Иране, где уровень подготовки русистов при всех оговорках довольно высок). Имеется, кроме того, еще одно обстоятельство, которое косвенно способствует переводческому «буму», хотя и лежит, казалось бы, в далекой от переводческого труда политической плоскости. Иран находится в относительной изоляции, и, чтобы как-то преодолеть ее, страна эта прибегает к действию «мягкой силы», то есть, с одной стороны, всячески пропагандирует в мире собственное богатое культурное наследие (например, издавая в русском переводе комментарии к Корану с шиитским религиозно-идеологическим подтекстом), а с другой – адаптируя «чужое» у себя, как бы впитывая его, особенно когда речь идет о дружественном государстве.

⁴ Вспомним, что Толстой вполне сознательно писал «Анну Каренину» по канонам европейского романа. Если форму «Войны и мира» он толковал предельно широко, в качестве необычной конструкции, которая

основанием для повышенного интереса персидской аудитории к произведению. Разумеется, позиция Толстого была куда более сложной. Как мыслитель проповеднического толка он утверждал, что назначение женщины состоит в рождении и воспитании детей; ее первейшая священная обязанность – быть матерью, созидательницей семейного очага, и, если женщина в угоду плотской страсти нарушает эту заповеданную многими верованиями истину, происходят события катастрофичные как для нее самой, так и для тех, кто ее окружает. Как художник с тонким интуитивным чутьем он, однако, не был одноклоном. Толстой прекрасно осознавал, какую роль в человеке играет биологическое, «животное» начало, та первозданная физиологическая стихия, которая завладевает им и от которой трудно освободиться по простому желанию. Не случаен эпиграф романа – цитата, взятая автором из 12-ой главы «Послания апостола Павла к римлянам»; в целостно-контекстном виде она такова: «Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте зло за зло, но пекусь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, и Я воздам, говорит Господь» (синодальный перевод, 16–19). Это значит, что не человеку с его разумом решать, кто виновен в этой жизни и в какой мере, а Богу, Творцу сущего. Толстой-писатель здесь не судит, не определяет «преступление» – всего-навсего изображает, демонстрирует, оставляя в огромном «полотне» место для своего утопического понимания счастья (линия Константина Левина и Кити Щербацкой). Персидский читатель этих противоречий творческого сознания не касался, не всегда он об этом и ведал. Его притягивало к себе само произведение с прекрасной композицией, яркими образами, динамично-событийными рядами и... моралью, которая извлекалась из сочинения, соответствуя букве и духу восточной нравственности. В этом, повторимся, заложен корень широкого и стабильного интереса к роману Толстого в Иране.

Из всех переводов вкратце остановимся на переводе Казара Симоняна.

не вписывается ни в один из известных жанровых стандартов, задаваемых западными литературами, то «Анну Каренину» он понимал проще, как роман о современной ему русской семье (с европейскими по происхождению истоками, ср. напечатанный в 1856 году роман Г. Флобера «Мадам Бовари»).

Об этом переводчике нам известно немного, так что работа по поиску и нахождению биографических сведений еще впереди; мы владеем малой толикой информации о нем, хотя и обращались за помощью в организации, связанные с армянской диаспорой в России.

Этнический армянин, христианин-монофизит, проживавший в Иране, он состоял членом Армянского национального собрания, принимал активное участие во внутрииранском политическом процессе – как на легальном поле, в законодательных структурах, так, вероятно, и на запрещенных властями акциях. Он баллотировался в иранский парламент от христианских меньшинств центральных и южных провинций, но в 1950-е годы был арестован и всю середину этого десятилетия провел в тюрьме. Свой перевод «Анны Карениной» он сделал именно там; в 1956 году текст вышел в свет отдельным изданием. Почему лишенный свободы К. Симонян взял на перевод данный роман, сказать с определенностью нельзя. Можно высказать предположение, что обращение к сочинению Толстого явилось следствием общего внимания персидских читателей к семейно-брачной проблематике. Переводить злободневно-жгучую толстовскую публицистику (о смертной казни или, допустим, мирном сопротивлении воинской повинности) было невозможно: в Иране действовал цензурный комитет; «Война и мир» – слишком большое в объеме произведение, требующее к тому же тщательного комментария по русской исторической фактографии; рассказы и повести Толстого – невелики по размеру для внимания человека, заключенного в тюрьму на несколько лет. «Анна Каренина» – оптимальный переводческий выбор, который сочетает внешние условия с индивидуальным предпочтением. Переводчик, если судить по выполненной им работе, великолепно владел русским языком⁵, поэтому перевод был осуществлен с оригинала. Добавим, что у нас нет данных о том, переводил ли К. Симонян что-то из Толстого, кроме «Анны Карениной», или из русской классики.

Перевод К. Симоняна принадлежит к числу точных. Вместе с тем точность эта – не «безраздельная». Так, в симоняновском переводе романа отсутствует эпиграф. Мы думаем, что изначально он присутствовал, имелся: странно было бы армянину христианского вероисповедания не включить в перевод библейскую цитату, отражающую, ко всему прочему, специфику толстовского отношения к сюжету романа. Симптоматично, что в переводах «Анны Карениной», вы-

полненных другими лицами, эпиграфа также нет. Это заставляет высказать мысль, что эпиграф либо намеренно исключался переводчиками, дабы избежать цензурного запрета, либо выносился за границы книги самими цензорами как нечто поверхностное и несущественное. В любом случае, какими бы причинами не диктовалось такая «чистка» текста, это – вольность, искажающая замысел автора. В то же время нужно осознавать, что перед нами – идеологическая вольность, форма неправомерного / вынужденного изменения, а не переводческая позиция. (Строго говоря, цензура в этом вопросе была не совсем «логичной»: во-первых, в Коране христиане, как и иудеи, – «люди Писания», «народы Книги», в отличие от язычников; во-вторых, русская культура в своей основе – христианская, для иранской же это – одно из условий полноценного диалога, точка опоры при взгляде на «чужое»). В остальном преобладает тенденция к адекватному переводу. Возьмем на рассмотрение по точечному принципу три эпизода.

Бесспорно, нас в первую очередь должен привлечь перевод первого предложения в романе (знаменитой сентенции); по сути, это глубокий по смысловому наполнению локус, откуда расходятся множественные линии сюжетно-образного порядка:

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [Толстой, т. 18, с. 3].

Перевод К. Симоняна:

همه خانواده های نیکبخت شبیه یکدیگرند، اما [تالستوی، ص. 1].
چگونگی سیه بختی هر خانواده ای مختص به خود آن است

– букв. пер.: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, но насколько несчастна каждая семья – это свое».

Как видим, философское утверждение о схожести счастья и несхожести несчастья в семьях передано бережно, аккуратно, без семантических потерь. Отметим лишь, что в персидском переводе противопоставление двух частей одного предложения зафиксировано союзом «но», «однако» («اما», «اما»), тогда как в подлиннике он отсутствует, и это, между прочим, служит веским основанием для разделения, казалось бы, единого толстовского предложения на две самостоятельные синтаксические «фигуры» (подобное разделение выражается интонационно, вместо запятой возможна точка, знак автономности высказываний, несмотря на внутреннюю связ-

⁵ Обучался ему в России, переехав потом в Иран?

ность, их соположенности друг другу, равенства и «перетекания» одного в другое)⁶.

Возьмем сцену, когда Стива Облонский появляется перед женой Долли в ее комнате, будучи уличенным в измене с француженкой-гувернанткой (I часть, I глава). Эта сцена выражает типический в художественном мире Толстого прием – акцент на телесном, точнее – пластике лица в передачи душевных чувств героев:

«С ним <Облонским. – Р. Б., К. Н. Д. С.> случилось в эту минуту то, что случается с людьми, когда они неожиданно уличены в чем-нибудь слишком постыдном. Он не сумел приготовить свое лицо к тому положению, в котором он становился пред женой после открытия его вины. Вместо того чтоб оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощения, оставаться даже равнодушным – все было бы лучше того, что он сделал! – его лицо совершенно невольно („рефлексы головного мозга“, – подумал Степан Аркадьич, который любил физиологию), совершенно невольно вдруг улыбнулся привычною, доброю и потому глупою улыбкой.

Эту глупую улыбку он не мог простить себе. Увидав эту улыбку, Долли вздрогнула, как от физической боли, разразилась, со свойственной ей горячностью, потоком жестоких слов и выбежала из комнаты. С тех пор она не хотела видеть мужа» [Толстой, т. 18, с. 4].

Перевод К. Симоняна:

در آن لحظه، وی درست وضع و حالت کسانی را داشت که به طور ناگهانی در حین ارتباط با ارتکاب عمل بسیار زشت و شرم آوری گرفتار شوند. وی موفق نشد ظاهر خود را با وضعی که در برابر همسرش بر اثر خطاکاری به وجود خود با آن روبرو شده بود سازش را سازش دهد و قیافه مناسبی بگیرد.

به جای اینکه خود را رنجیده و آزرده نشان دهد، انکار کند، از خود مدافع نماید، پوزش بطلبد به جای اینکه دست کم خونسردی و لاقیدی به خرج دهد - هر نوع رفتاری از کاری که وی کرد بهتر می بود. بر چهره او ناگهان به طرز کاملاً غیر ارادی لبخند عادی و حاکی از مهربانی و یا بهتر بگویم لبخند ابلهانه ای پدیدار گشت. وی قادر نبود که به مناسبت این لبخند ابلهانه خود را تیرنه کند و ببخشد. دالی چون لبخند را مشاهده کرد گویی از احساس دردی جسمانی تکانی خورد، لرزید و سپس بنا به طبیعت پرحرارت خود سیلی از سخنان و عبارات بیرحمانه جاری ساخت از اتاق بیرون دوید. از آن به بعد وی حاضر نشد شوهرش را ببیند [تالستوی، ص. 9].

– букв. пер.: «В тот момент он был в точности похож на тех, кого внезапно поймали за совершением очень уродливого и постыдного поступка. Ему не

удалось согласовать свою внешность с ситуацией, с которой он столкнулся перед женой из-за ошибки в своем поведении, и получить должный вид. Вместо того, чтобы выставлять себя напоказ и раздражаться, отрицать, защищать себя, извиняться, вместо того чтобы хотя бы быть хладнокровным, – любое поведение было лучше, чем то, что он делал, – внезапно на его лице появилась совершенно произвольная обычная улыбка, знак доброты, а вернее – глупая улыбка.

Он не смог оправдать и простить себя по поводу этой глупой улыбки. Когда Дали⁷ увидела улыбку, она вздрогнула, словно потрясенная ощущением физической боли, а затем из-за своего пылкого характера произнесла тираду <поток> грубых слов и выражений и выбежала из комнаты. С тех пор она отказывалась видеться с мужем».

Толстой в приведенном фрагменте демонстрирует двойственное состояние Облонского. Стива искренне ощущает свою вину перед Долли, одновременно понимая, что никакие слова увещевания не могли бы теперь ее утешить или оправдать его перед ней. Автор перебирает те реакции на ситуацию, которые определены «общественными стереотипами»; это набор шаблонных действий, к которым обычно прибегают (и Стива так делал!), чтобы доказать собственную невиновность, показать «на людях», что ее нет⁸, или объяснить, что вина неумышленна, произошла случайно, результат ошибки, временного помутнения рассудка, излишней эмоциональности. Облонский, вопреки принятому рациональному подходу, поступить так уже не может: в нем силен элемент натуры, которую он не способен преодолеть, какими бы трезвыми доводами ни руководствовался; это и есть тот настоящий внутренний человек, который «спрятан» во внешнем, существующем по правилам «ложного» мира с его ритуализованной церемониальностью, в которой содержание выхолощено и осталась бездушная холодная, ни к чему не обязывающая, пустая форма. Для Толстого «естественность» (в ее «лучших» проявлениях, то есть идущих вразрез с чем-то устоявшимся и потому утратившим смысловое наполнение) – чрезвычайно ценное свойство человека. И хотя улыбка Облонского «глупа», она прежде всего «непроизвольна», выдавая истинное и глубинное начало в герое: доброе и мягкое устройство его души, полноту сердца. Само по себе это не заглаживает вину Облонского за совершенный проступок – скорее, констатирует, что в нем нет темного

⁷ Примерно так звучит на персидском языке имя «Долли».

⁸ Театрализация события, актерство через переживание возмущения и негодования.

⁶ Со структурной точки зрения сентенция Толстого поразительно напоминает парные строфы «Дхаммапады» – древнего буддийского памятника на пали. Вот сопоставительная иллюстрация с контрастно-зеркальным типом связи стихов: «Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, / так в плохо развитый ум просачивается вождление. // Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, / так в хорошо развитый ум не просачивается вождление» [Дхаммапада, с. 59].

умысла, тайной продуманности, хитрости, обмана; проступок Стивы – не продукт изошренных, изворотливых «умствований», выверенных, гибких «построений», а мгновенный школярский порыв, «вспышка», за которую герою очень известно.

В персидском переводе толстовская мысль сохранена. Единственное изменение коснулось речи Облонского «про себя» о рефлексах – следствии его поверхностного увлечения физиологией, естественными науками, модными во второй половине XIX века. Речь не была включена переводчиком потому, что он не считал ее принципиально необходимой для развития последующих эпизодов; между тем это характеристика героя, и отказываться от нее не следовало.

В сцене случайной встречи Левина и Вронского в гостиной дома Щербацких (I часть, XIV глава) представлено соотношение видимых действий и невидимых «мыслечувств» в их относительно напряженной конфликтности:

«В это время еще дама вошла в комнату, и Левин встал.

– Извините меня, графиня, но я, право, ничего этого не знаю и ничего не могу вам сказать, – сказал он и оглянулся на входившего вслед за дамой военного.

„Это должно быть Вронский“, – подумал Левин и, чтобы убедиться в этом, взглянул на Кити. Она уже успела взглянуть на Вронского и оглянулась на Левина. И по одному этому взгляду невольно просиявших глаз ее Левин понял, что она любила этого человека, понял так же верно, как если бы она сказала ему это словами. Но что же это за человек?

Теперь, – хорошо ли это, дурно ли, – Левин не мог не остаться; ему нужно было узнать, что за человек был тот, кого она любила.

Есть люди, которые, встречая своего счастливого в чем бы то ни было соперника, готовы сейчас же отвернуться от всего хорошего, что есть в нем, и видеть в нем одно дурное; есть люди, которые, напротив, более всего желают найти в этом счастливом сопернике те качества, которыми он победил их, и ищут в нем сощущающей болью в сердце одного хорошего. Левин принадлежал к таким людям. Но ему нетрудно было отыскать хорошее и привлекательное во Вронском. Оно сразу бросилось ему в глаза. Вронский был невысокий, плотно сложенный брюнет, с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твердым лицом. В его лице и фигуре, от коротко обстриженных черных волос и свежесбритого подбородка до широкого с иголочки нового мундира, все было просто и вместе изящно. Дав дорогу входившей даме, Вронский подошел к княгине и потом к Кити.

В то же время как он подходил к ней, красивые глаза его особенно нежно заблестели, и с чуть заметною счастливою и скромно-торжествующею улыбкой (так показалось Левину), почтительно и осторожно

наклонясь над нею, он протянул ей свою небольшую, широкую руку» [Толстой, т. 18, с. 53–54].

Перевод К. Симоняна:

در این میان خانم دیگری وارد اتاق شد و لوین از جا برخاست. – معذرت می‌خواهم، کنتس، اما در واقع من در اطراف این موضوع چیزی نمی‌دانم و به شما هم چیزی نمی‌توانم بگویم. وی این را گفت و برگشت تا افسری را که از پشت سر خانم وارد شده بود و در انداز کند. وی اندیشید: – این باید ورونسکی باشد.

لوین برای اینکه به حدس خود اطمینان پیدا کند، نظر به کیتی افکند. کیتی ورونسکی را دیده بود و برگشته به لوین نگریست. لوین تنها از همین یک نگاه دیدگانی که به طور غیرعادی پرفروغ تر گشته بودند دریافت کرد که دختر آن شخص را دوست دارد. وی به این موضوع به قدری اطمینان داشت که گویی آن را ضمن کلماتی چند به وی گفته باشد. اما این شخص چه نوع آدمی بود؟

اکنون دیگر – نتیجه خوب باشد یا بد. لوین نمی‌توانست آنجا را ترک کند زیرا می‌بایستی بداند این چه نوع شخصی است که عشق کیتی را به خود جلب کرده است.

مردمی وجود دارند که چون با رقیب نیکبختی. صرف نظر از موضوع مورد رقابت – مصادف می‌شوند حاضرند همه محسنات آن شخص را نادیده بگیرند و تنها به عیوب و نکات ضعف او توجه داشته باشند. اما مردمی هستند که برعکس در رقیب خود بیش از همه میل دارند صفاتی را ببینند که وی توسط آن صفات، آنها را مغلوب ساخته است و با قلبی پر درد و جریحه دار در رقیب خود تنها جویای محسناتی هستند.

لوین در ردیف این اشخاص بود اما برای وی دشوار نبود که آنچه در وجود ورونسکی خوب جلوه می‌کرد و جذابیت داشت به آسانی دریابد.

از نخستین نظر، این محسنات به چشم می‌خورد. ورونسکی شخص چهارشانه ای بود، قدش زیاد بلند نبود، موهای سیاهی داشت، قیافه اش زیبا و دل انگیز و بی اندازه آرام و جدی می‌نمود.

همه چیز در چهره و اندام او از موهای کوتاه سیاه و چانه تازه اصلاح شده اش تا لباس افسری نودوختش که به آزادی اندام وی را در میان داشت ساده و در عین حال با سلیقه و شیک بود. وی به خانمی که وارد می‌شود راه داد، نزد پرسنس رفت و سپس به کیتی نزدیک شد. در آن لحظه که وی به کیتی نزدیک آمد، دیدگان زیبایش با محبت مخصوصی برقی زدند او با لبخند خفیفی حاکی از خوشی و پیروزمندی محبوبانه ای (لوین این چنین به نظرش آمد) با احترام و احتیاط در بالای سر دختر خم شد و دست کوچک ولی پهن خود را به سوی وی دراز کرد [تالسوی، ص. 76].

– букв. пер.: «Тем временем в комнату вошла другая женщина, и Левин поднялся.

– Простите, графиня, но я действительно ничего об этом не знаю и ничего не могу вам сказать.

Он сказал это и повернулся, чтобы бросить взгляд на офицера, вошедшего сзади женщины. Он думал:

– Это должен быть Вронский.

Левин посмотрел на Кити, чтобы подтвердить свою догадку. Кити увидела Вронского и посмотрела на Левина.

По этому взгляду, по глазам, которые стали необычайно блестящими, Левин понял, что девушка любит этого человека. Он был так уверен в этом, как будто она сказала ему об этом в нескольких словах. Но что за человек был этот человек?

Теперь, хорошо это или плохо, Левин не мог уйти, потому что ему нужно было знать, какой он человек, <тот>, который привлек любовь <внимание> Кити. Есть люди, которые, поскольку они совпадают с удачливым соперником, независимо от предмета, го-

товы игнорировать все достоинства этого человека и обращать внимание только на его недостатки и слабости. Но есть люди, которые, наоборот, больше всего желают в своем сопернике найти те качества, которыми он победил их, и с сердцем, полным боли и раны, в своем сопернике они ищут только хорошие стороны <свойства>.

Левин был в ряду этих людей, и ему не было трудно уловить что-то хорошее и привлекательное во Вронском. С первого взгляда эти преимущества очевидны. Вронский был широкоплечим <с четырьмя плечами>, не очень высокого роста, с черными волосами, красивым и приятным лицом, чрезвычайно спокойным и серьезным. Все на его лице и теле, от коротких черных волос и недавно выбритого подбородка до аккуратно сшитой офицерской одежды, которая позволяла его телу быть свободным, было простым и в то же время со вкусом и изящным <стильным>. Он впустил даму, подошел княгине, а затем подошел к Кити.

В тот момент, когда он подошел к Кити, его красивые глаза заблестели особой любовью <нежностью>, с легкой улыбкой, знаком радости и всеобщего торжества <победы> (так представлялось Левину), он почтительно и осторожно склонился над головой девушки и протянул ей свою маленькую, но широкую руку».

В переводе, как можно убедиться, толстовская картина отражена достоверно; создается впечатление, что перед нами парафраз. Точен портрет Вронского, в нем нет лишних описаний или вольных трактовок, даже плотное сложение истолковано верно – не как полнота, а как стройная подтянутость через мускульное широкоплечие (досл. «четвероплечий», «چارشانه», «charshane»⁹). Титулы русской знати определены правильно: для «графини» переводчик использовал французское заимствование («کنتس», «konts»), понятное образованному персидскому читателю, а для «княгиня» (досл. «принцесса», «پرنسس», «prinses») – лексему на фарси, тоже заимствованную, но гораздо более употребительную; слово «дама» определено в качестве «женщины-госпожи» («خانم», «khatun»), а не «женщины», для последнего есть иная лексема: «زن», «zane». Свообразная вставка о «счастливых соперниках» (авторский голос) осталась в концептуальной завершенности. Показательно при этом, что распространенное толстовское словосочетание «одно дурное» (в нем «дурное», прилагательное в значении существительного, – излюбленное у писателя) передано интерпретирующим оборотом «недостатки (пороки / изъяны) и слабости» («عیوب و نکات ضعف», «oiub va nokatzaf»), «одно

хорошее» – в аналогичном ключе раскрытия смысла: «хорошее» – то есть хорошее по «свойствам», «качествам», «делам» («محسّنات», «mohassanet»). Труднее было передать нюанс, оттенок семы в выражении Толстого «скромноторжествующая улыбка». Переводчик предложил вариант: «улыбка всеобщей победы (торжества)» («لبخند پیروزمندی محبوبانه»), «laxand piruzmandi mahbubane»). В нем нет корректирующего указания на скромность, оно либо выпало из поля зрения К. Симоняна, либо он не нашел контекстного эквивалента.

В итоге, если оценивать труд целиком, то необходимо признать высокий уровень переводческого мастерства К. Симоняна.

Исследования персидской рецепции Толстого должны быть продолжены. Много тут нуждается в уточнениях и разъяснениях на фундаменте системно-комплексного подхода.

Список литературы

Валеев Н. У. Л. Н. Толстой и персидско-таджикская литература // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л. Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: материалы XXXIII Международных Толстовских чтений. Тула: Изд-во ТГПУ, 2012. С. 157–160.

Дхаммапада / пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 159 с.

Кандель Б. Л. Библиография переводов романа «Анна Каренина» на иностранные языки // Л. Н. Толстой Анна Каренина: роман в восьми частях. М.: Наука, 1970. С. 891–907.

Ниятбекова А. Ю. Из истории переводов произведений Л. Н. Толстого на таджикский язык // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л. Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: материалы XXXIII Международных Толстовских чтений. Тула: Изд-во ТГПУ, 2012. С. 222–224.

Розенфельд А. З. Л. Н. Толстой в изданиях на персидском языке // Народы Азии и Африки. 1962. № 5. С. 165–169.

Розенфельд А. З. «Кавказский пленник» на таджикском языке // Яснополянский сборник – 1978. Тула: Приокское книжное изд-во, 1978. С. 224–230.

Рустамова Г. Р. Рассказы Льва Толстого в газете «Благородная Бухара» // Челябинский гуманитарий. 2014. № 1 (26). С. 58–61.

Рустамова Г. Р. Русско-таджикские литературные связи в XX веке (в контексте творчества Льва Толстого): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Душанбе, 2017. 46 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. М.: Художественная литература, 1928–1958.

Шехов А. А. Мавкеи тарчума дар густариши равобити адаби // Ученые записки Худжандского го-

⁹ «Четыре плеча» в портретном описании человека на литературном персидском языке связано с представлением о крепком телосложении.

сударственного университета имени Б. Гафурова. 2019. № 2 (59). С. 130–135.

Фет А. А. Воспоминания. М.: Правда, 1983. 496 с.

Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971. 550 с.

تالستوی. آنکارنیا. قازارسیمونیا، تهرآن. انتشارات گوتنبرگ، 976ص. 1377 هجری شمسی.

References

Dhammapada (1960). [Dhammapada]. Per. s pali, vved. i comment. V. N. Toporova. 159 p. Moscow, izd-vo vostochnoi literatury. (In Russian)

Fet, A. A. (1983). *Vospominaniia* [Memories]. 496 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

Kandel', B. L. (1970). *Bibliografiia perevodov romana "Anna Karenina" na inostrannye iazyki* [Bibliography of the Novel "Anna Karenina" Translations into Foreign Languages]. Tolstoi L. N. Anna Karenina: roman v vos'mi chas'tiakh. Pp. 891–907. Moscow, Nauka. (In Russian)

Niiatbekova, A.Yu. (2012). *Iz istorii perevodov proizvedenii L. N. Tolstogo na tadzhikskii iazyk* [From the History of Translations of L. N. Tolstoy's Works into the Tajik Language]. Tolstovskii sbornik – 2012. Tvorcheskoe nasledie L. N. Tolstogo v kontekste razvitiia sovremennoi tsivilizatsii: materialy XXXIII Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii. Pp. 222–224. Tula, izd-vo TGPU. (In Russian)

Rozenfel'd, A. Z. (1962). *L. N. Tolstoy v izdaniakh na persidskom iazyke* [L. N. Tolstoy in the Publications in Persian]. Narody Azii i Afriki. No. 5, Pp. 165–169. (In Russian)

Rozenfel'd, A. Z. (1978). "Kavkazskii plennik" na tadzhikskom iazyke ["A Prisoner in the Caucasus" in

Tajik]. Iasnopolianskii sbornik. Pp. 224–230. Tula, Priokskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)

Rustamova, G. R. (2014). *Rasskazy L'va Tolstogo v gazete "Blagorodnaia Bukhara"* [Leo Tolstoy's Stories in the Newspaper "The Noble Bukhara"]. Cheliabinskii gumanitarii. No. 1 (26), Pp. 58–61. (In Russian)

Rustamova, G. R. (2017). *Russko-tadzhikskie literaturnye sviazi v XX veke (v kontekste tvorчества L'va Tolstogo) : avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Russian-Tajik Literary Relations in the 20th Century (in the context of Leo Tolstoy's Work): Doctoral Thesis Abstract]. Dushanbe, 46 p. (In Russian)

Shekhov, A. A. (2019). *Mavkei tardzhuma dar gustarishi ravobati adabi* [The Role of Translation in Expanding Literary Relations]. Uchionnie zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta imeni B. Gafurova. No. 2 (59), Pp. 130–135. (In Tajik)

Shifman, A. I. (1971). *Lev Tolstoi i Vostok* [Leo Tolstoy and the East]. 550 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1998). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Perevod s russkogo na persidskii Kazara Simoniana. 976 p. Tehran, Gutenberg. (In Persian)

Valeev, N. U. (2012). *L. N. Tolstoi i persidsko-tadzhikskaa literatura* [L. N. Tolstoy and Persian-Tajik Literature]. Tolstovskii sbornik. Tvorcheskoe nasledie L. N. Tolstogo v kontekste razvitiia sovremennoi tsivilizatsii: materialy XXXIII Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii. Pp. 157–160. Tula, izd-vo TGPU. (In Russian)

The article was submitted on 02.06.2021

Поступила в редакцию 02.06.2021

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Центра по изучению наследия
Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Казем Нежад Дахкаи Седиге,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sedi_k_2012@yahoo.com

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of Leo Tolstoy's
Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sedi_k_2012@yahoo.com